УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-98-109

Елена Александровна Андреева,
Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: Andreeva.elena.krsk@gmail.com

Современная традиционалистская проза в контексте литературно-критического дискурса «патриотических» «толстых» журналов

Несмотря на внимание исследователей к феномену современной традиционалистской прозы, вопрос о её критической рецепции остаётся неисследованным. С начала появления «деревенской прозы» её ценностные позиции укрепляют журналы национал-патриотической направленности. В статье представлен анализ подходов, которые используются критиками-«патриотами» в интерпретации произведений писателей-«деревенщиков». Материалом статьи послужила новейшая критика журналов «Наш современник», «Москва», опубликованная в 2000-е и 2010-е годы. В результате проведённого анализа мы выделили четыре группы подходов: биографический, историко-культурный, социологический и аксиологический. Биографический подход является основополагающим для «патриотической» критики. В его рамках освещаются наиболее значимые факты биографии и личностные качества писателя, которые повлияли на творчество. Историко-культурный подход даёт ответ на вопрос, какое место занимает современная традиционалистская проза и отдельные её авторы в литературном процессе. Подход, при котором «ключом» к интерпретации произведения является реальность, показывает, насколько описанное в произведении соответствует действительности, и обнаруживает одну из главных установок «патриотической» критики: художественное произведение должно освещать проблемы народа и государства. Аксиологический подход выявляет актуальные ценности, которые реализуются в рассматриваемых произведениях: любовь к своему народу, родной природе, культуре, опора на православные ценности, трудолюбие, нравственность и духовность. Названные подходы работают на укрепление позиций «деревенщиков» в современном литературном поле, на отстаивание их взглядов в поле идеологическом.

Ключевые слова: современная традиционалистская проза, писатели-«деревенщики», литературно-критический дискурс «патриотов», интерпретационные подходы

Elena A. Andreeva,
V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com

Modern Traditionalist Prose in the Context of the Literary and Critical Discourse of "Patriotic" "Thick" Magazines

Despite the attention of researchers to the phenomenon of modern traditionalist prose, the question of its critical reception remains unexplored. From the beginning of the emergence of "village prose", nationally patriotic magazines strengthen its value position. The article presents an analysis of the approaches that are used by critics, "patriots" in the interpretation of the works of writers "villagers". The material was the latest criticism of the magazines Nash Sovremennik (Our Contemporary), Moskva (Moscow) published in the 2000s and 2010s. As a result of the analysis, we identified four groups of approaches: biographical, historical and cultural, sociological and axiological. A biographical approach is fundamental to "patriotic" criticism. As part of it, the most significant facts of the biography and personal qualities of the writer which influenced his work are highlighted. The historical and cultural approach provides an answer to the question of what place the modern traditionalist prose and its individual authors occupy in the literary process. The approach in which reality is the "key" to the interpretation of the work shows how the described in the work corresponds to reality and reveals one of the fundamental principles of "patriotic" criticism: a work of art should highlight the problems of the people and the state. The axiological approach reveals the actual values that are realized in the works under consideration: agape, feeling of nature, native culture, reliance on Orthodox values, industriousness, morality and spirituality. The above approaches work to strengthen the position of writers "villagers" in the literary field and to uphold their views in the ideological field.

Keywords: modern traditionalist prose, writers "villagers", literary and critical discourse of "patriots", interpretative approaches

Введение. Современная традиционалистская проза как одно из важнейших направлений второй половины XX века с момента своего оформления становится объектом пристального внимания критики. Во времена становления «деревенской прозы» (1960-е гг.) на страницах «толстых» журналов разворачивается борьба за присвоение литературного поля «деревенщиков». Критики оппозиционных направлений (либерально-демократический «Новый мир» и национал-патриотическая «Молодая гвардия»), анализируя «деревенскую» литературу, апеллируют к своему пониманию «народности» и представлению о судьбе русского крестьянства. Как отмечает Е. Добренко, «Молодой гвардии», журналу патриотического толка, «со второй половины 1960-х годов удаётся перехватить инициативу в общественно значимой трактовке тем, связанных с русской национальной культурой, историей, характером, и консолидировать часть интеллигенции на борьбу – а во многом возглавить её – за сохранение национального наследия» [5, с. 464].

Борьба за присвоение традиций «деревенской» литературы не утихает вплоть до конца 1990-х годов, когда фокус внимания смещается на последствия преобразований, утрату русской культурой литературоцентризма и развитие постмодернизма в России [8]. Именно в это переломное для страны время на страницах журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва» актуализируется «национальная идея», которая предполагает возвращение к патриархальным православным ценностям, определяющим крестьянский традиционный уклад. «Национальная идея», реализуемая в произведениях писателей-«деревенщиков», осмысливается как путь спасения нации и государства в ситуации кризиса.

С момента возникновения «деревенской прозы» и по сегодняшний день журналы национал-патриотической направленности укрепляют её позиции, отстаивая транслируемые традиционалистами идеи. Однако, несмотря на внимание исследователей к проблемам творчества писателей-«деревенщиков», вопрос его рецепции в работах последних лет остаётся неисследованным [4; 9–11]. Целью данной статьи является описание подходов «патриотической» критики как властного дискурса к интерпретации «деревенской прозы», которые позволяют обозначить писателя как «своего» и сформировать определённую картину мира в сознании читателя. Материалом послужила критика журналов «Наш современник», «Москва», опубликованная в 2000-е и 2010-е годы.

Методология и методы исследования.

Ю. Б. Боров и М. П. Стафеецкая выделяют несколько групп исследовательских подходов к произведению [2]. Первая группа использует реальность как ключ интерпретации произведения (социологический и гносеологический подходы). В рамках этой группы выполняется анализ соответствия художественного произведения жизни, а литература воспринимается как форма выражения общественной психологии и идеологии. Вторая группа интерпретационных подходов использует культуру как ключ к трактовке произведения (историко-культурный и сравнительно-исторический подходы). В этом случае критик смотрит на произведение в контексте определённой художественной традиции, выявляет типологические общности художественных явлений и сходные связи разных произведений с породившей их социальной действительностью. Третья группа подходов использует судьбу художника и произведения как ключ к интерпретации (биографический, творческо-генетический, онтологический подходы). Применяя биографический подход, критик анализирует, как факты жизненного пути писателя отражаются в его произведениях. В рамках творческо-генетического подхода исследуется история создания произведения, время его написания, обстоятельства. Если принять во внимание, что критик воспринимает произведение сквозь призму своих мировоззренческих установок, можно назвать ещё один – аксиологический подход. Он реализуется, когда критик оценивает произведение и проверяет его на соответствие своим ценностным ориентирам, располагая его в рамках оппозиции «свое – чужое». Используя терминологию Ю. Борева, можно говорить об осуществлении критиком при таком подходе «ценностного анализа», который «начинается с выбора исходной позиции – ориентации на определённые эстетические идеалы и критерии» [Там же, с. 125].

Результаты исследования и их обсуждение.

Биографический подход при интерпретации художественного произведения является одним из ключевых для литературно-критического дискурса «патриотов». Он предопределён особым канонам, по которому создаются литературные портреты писателей в «патриотической» критике. Критик создаёт для читателя «историю» рассматриваемого автора, показывая, как его ценностные установки реализуются в его биографии, и останавли-

ваясь на значимых для «патриотического» дискурса фактах.

О. Павлов в статье «Новые лица русской прозы» предлагает читателю историю Михаила Тарковского как «своего» писателя, который много лет является жителем таёжного поселения, оторванного от «большой земли». Уже само по себе упоминание факта проживания писателя в местности, удалённой от большого города¹, формирует образ М. Тарковского как человека, близкого природному началу и не тронутому разрушительной силой цивилизации, что отвечает ценностям «патриотической» критики. Усиливая этот образ, О. Павлов акцентирует внимание на особой связи писателя с родной землей: «Тарковский сросся душой с таёжным миром с детства. Он человек, с малых лет очарованный именно этой природой, сильной и могучей, воспринимавшей её как Божий храм. Через любовь к природе он научился видеть хорошее, и это, без сомнения, его настоящий, редкий сегодня дар. Чувство этой любви почти религиозное» [32, с. 170]. Кроме того, критик демонстрирует его близость к природе, также указывая на особый род деятельности – охотничество, где «охотник и зверь – это не палач и жертва, они братья» [Там же, с. 171].

При описании творческого и жизненного пути своего «персонажа» критику важно подчеркнуть его исключительность, тем самым вызвав интерес у читателя. Как правило, он называет доминирующее качество писателя, которое выделяет его среди остальных. Говоря о М. Тарковском, О. Павлов неоднократно

¹ В «патриотическом» дискурсе концепт «город» маркируется как резко отрицательное явление, располагающееся за пределами актуального ценностного поля. Показательно высказывание О. Павлова о последствиях жизни в городе для деревенского человека: «Город – это свобода. Потому и мечты о городе для деревенских людей – это мечты не о благополучии лёгком, а о свободе. И только тому, кто родился в городе, дано бывает понять, что свобода эта оборачивается то жестоким абсурдом, то нравственным тупиком. Что лёгкая жизнь в городе пускает на воздух жизнь человеческую, а одинаковость всего, простота устройства её, штамповка городская людей – обезличивают, как болванку» [32, с. 174]. О. Павлов формирует следующую установку: свобода, которую приносит городская жизнь, разрушительна для человеческой личности, она ведёт к нравственному тупику, потере самоидентичности. На разрушительное влияние городской жизни указывает и К. Кокшенева в статье «Лад привычного дела»: «Город опасен для писателя другим: он путает все концы и все начала, он настораживает все смешением мыслей и дел, вер и культур, стилей и традиций, дроблением добра и невероятной изобретательностью зла. Город привык нарушать всяческие границы: в моде и мысли, в развлечениях и образе жизни» [24, с. 188]. Так, в литературно-критическом дискурсе «патриотов» функционирует оппозиция «центр – периферия», «город – деревня».

подчеркивает отстраненность писателя как от внешнего мира за пределами тайги, так и от мира искусства в целом, а также самобытность его творческого пути, не предначертанного «громкой фамилией»: «Тарковский не сделал из своей фамилии громкой судьбы. Он пятился вообще из мира искусства, хотя куда легче было войти в этот мир своим. Он же всегда входил в него чужаком» [Там же, с. 169]. При этом становление М. Тарковского как писателя обретает в статье критика некоторый оттенок драматизма.

В представлении О. Павлова, длительное обретение себя – это своего рода испытание², мученичество, которое определило талант и личностные качества М. Тарковского: «Это участь совестливого и талантливого человека – сопротивляться тому, что написано на роду, и только когда собственная душа толкала на путь творчества, мучительно обретать на этом пути самого себя, чтобы просто быть самим собой, а не подобием» [Там же, с. 170]. Так критик имплицитно обозначает границу между теми, кто творит бездарно, пользуясь именем своих предков, ради славы и материальных благ («чужие», неподлинные), и теми, кто, пройдя через мучительное, но самостоятельное становление, создаёт подлинное искусство. По словам О. Павлова, писатель пришёл в литературу после десяти лет «самой простецкой жизни на Енисее», что подчёркивает его простоту, близость к народу, человеку «естественному». Этот опыт как бы наделяет его особым, спасительным (о спасительной силе знаний, которые заключены в произведениях писателей-«деревенщиков», неоднократно упоминается в статьях критиков-«патриотов»), сокровенным знанием, не доступным человеку «города», и это знание передаётся в его произведениях. Этот посыл статьи заставляет читателя обратить особое внимание на произведения М. Тарковского.

Таким образом, в статье О. Павлова перед читателем предстаёт образ человека, воплощающего в своей биографии все аксиологически значимые почвеннические установки: близость природе, проживание в таёжном

² Мотив пройденного писателем испытания встречается во многих литературных портретах «патриотов» как средство создания сверхположительного образа. Испытанием могут являться как тяжёлые жизненные потрясения (война, голод, политическая травля), так и душевные терзания писателя. Так, для Е. Носова испытанием является война [20], для В. Астафьева – «суровая детдомовская школа» [15], для М. Тарковского – становление на творческий путь [32]. Всех писателей, прошедших через сложное жизненное испытание, объединяет стойкость духа, внутренняя непоколебимость перед обстоятельствами и верность своим взглядам.

поселке, трудолюбие, без которого немислима жизнь в тайге, и тяжёлый путь творческого становления, который определил самобытность и избранничество М. Тарковского. Рассказанная критиком «история» позволяет создать сверхположительный образ писателя, разделяющего ценности «патриотов», что уже само по себе накладывает определённый отпечаток на восприятие читателем художественного произведения.

Жизненный опыт М. Тарковского напрямую связывается с художественным миром его произведений, посвящённых жизни человека в тайге¹. Критик акцентирует внимание на том, что в тайге человек на «каждом шагу может быть наказан суровой природой. Поэтому она воспитывает свои характеры, свою простоту и жестокость в людях» [32, с. 170]. О. Павлов показывает, как в произведениях писателя раскрывается проблема взаимоотношений человека и тайги. Суровые таёжные условия порождают свои правила: тот, кто ослаб, тот, кто потерял веру, не выдержав испытаний, погибает: «Устал человек, и всё в нём устало. Бахта – как бухта потопленных людских кораблей» [Там же]. Биографический подход, реализуемый критиком в данной статье, позволяет сформировать установку: никто другой не может рассказать о жизни в тайге, нравах её людей так, как человек, для которого тайга является естественной средой. Кроме того, критик убеждает читателя в том, что проза М. Тарковского подлинна и проста, как и он сам, она понятна «простому человеку»².

Для «патриотической» критики характерно обращение к судьбе писателя, ключевым моментам его биографии, важным для понимания истоков его мировоззрения, которое отражается в художественном произведении. Критики нередко указывают на факт рождения своего «персонажа» в провинции: это подчёркивает его самую непосредственную принадлежность к подлинным смыслам, которые рождаются вдали от разрушительного влияния города. Именно с этого начинается повествование о своём «персонаже» В. Кур-

¹ Отметим, что актуальные подходы к исследованию прозы М. Тарковского соотносят творчество мастера с неотрационализмом и «новым реализмом» [13]. В них подчёркивается своеобразие позиции художника, открывшего героя нового типа, следующего не из деревни в город, а из города в тайгу, которая и представляется идиллическим топосом [3].

² Для критиков-«патриотов» критерий «понятности», ясности художественного произведения является одним из ключевых. Именно по этому принципу «понятной» реалистической литературе противостоит не признаваемая в «патриотическом» дискурсе литература авангарда и постмодернизма.

батов в статье «Свет во тьме светит...». Критик создаёт положительный образ писателя, апеллируя к аксиологически значимому понятию «народность», которое проходит через всю его жизнь: «Пётр Краснов подлинно плоть от плоти народной. И не потому, что родился в селе, и не потому, что получил образование сельскохозяйственное и работал агрономом, но прежде всего по глубинной народной основе миропонимания» [30, с. 201].

В. Курбатов подчёркивает в жизненном пути писателя ещё одну ценностную установку – неразрывную связь с родиной. Критик рассказывает, как молодой П. Краснов после высших литературных курсов отправился в Подмоскovie, как и многие провинциалы того времени, желавшие «завоевать Москву», но «просторная, степью и полем вскормленная душа не пустила, и он вернулся в Оренбург» [Там же]. По мнению критика, благодаря этому П. Краснов сохранил свою самобытность, потому что те товарищи, которые остались, «так повытерлись друг о друга и стали похожи, как дома спальных районов» [Там же]. В. Курбатов выделяет П. Краснова среди других писателей, указывая на его исключительность и избранность: «Он вернулся, потому что не мог переменить Господня замысла о себе, судьбы своей, того, что подлинно было написано на роду» [Там же, с. 202]. Как и в статье, посвящённой М. Тарковскому, читатель понимает, как «персонаж» проходит испытание соблазном, сохранив верность истинному пути. Всё это направлено на создание сверхположительного образа автора, чьи произведения являют собой истину. Далее критик убеждает читателя в том, что именно Пётр Краснов, как никто другой³ смог запечатлеть «ещё теплящуюся жизнь» русской деревни, прерванную перестройкой.

В. Курбатову важно подчеркнуть исключительность, сверхценность рассматриваемого автора, поэтому особое внимание в своих статьях он уделяет его личности. На страницах «патриотических» «толстых» журналов в разделе «Критика» можно встретить статьи, представляющие собой воспоминания об авторе [25; 26; 38]. Личность писателя, его жизненные взгляды и убеждения, его судьба оказываются не менее значимыми, чем его творчество. Е. Спасская в статье «Гори, гори

³ Критик превозносит П. Краснова, выделяя его среди предшественников: «Краснов был крепким и сильным, настоящим родным сыном материнской степи и живой работающей земли. Мне даже кажется, что он был этой земле роднее своих старших товарищей именно потому, что уже в зрелую пору работал на ней и она ещё не стала для него воспоминанием, «пейзажем», преданием» [30, с. 202].

ясно!» показывает, насколько талантлив был Е. Носов прежде всего в жизни: «У него были поистине золотые руки. Мог починить любые часы... и главное при этом не то, что они будут время показывать, а чтобы этот механизм был живой, мог работать, чтобы не умирала его душа» [36, с. 191]. Критик указывает, что талант Е. Носова распространяется и на творчество: «Мастер... он во всём мастер» [Там же, с. 194]. Кроме того, Е. Спасская подчёркивает его трудолюбие: «Вот такая полезная работа, труд – были всегда основой жизни самого писателя» [Там же, с. 191]. Так, Е. Спасская формирует идеальный образ, наделяет его ценными для «патриотического» дискурса сверхкачествами. Представление о Е. Носове как о безусловно талантливым и выдающемся человеке переносится и на его творчество.

Факты биографии, которые упоминаются в критической статье, нередко позволяют «оправдать» автора, который в своё время вышел за рамки актуального ценностного поля, и тем самым «присвоить» его. Таким автором в литературно-критическом дискурсе «патриотов» является В. П. Астафьев. Стоит отметить, что отношение критиков к нему весьма неоднозначно: в статьях можно встретить как резко осуждающую негативную позицию [14], так и вполне позитивную. Чтобы объяснить политическую позицию В. П. Астафьева в переломные для страны годы и остроту его поздних произведений, критики прибегают к оправдательной тактике. Так, критик А. Бараков утверждает, что «двойственность, исходящая от внешнего и внутреннего сиротства (В. П. Астафьева – *прим. авт.*), стала отражением с рождения расколотого мира» [15, с. 214]. Противоречивость, выражающаяся в «глумливости» и «разухабистости» поздних произведений В. П. Астафьева, объясняется критиком его детдомовским прошлым [Там же, с. 213]. С. Куняев в статье «И свет, и тьма» указывает на «мрачность и злость» его последних произведений, «исторические нелепости в многочисленных интервью и остервенелой публицистике» и объясняет их «апокалиптическим чувством перехода из одного мира в другой» [29, с. 211], которое оказалось поистине катастрофичным для Астафьева.

Таким образом, биографический подход показывает, как и насколько жизненный путь писателя-«деревенщика» отражается в его творчестве. Упоминание об аксиологически значимых фактах биографии позволяет сформировать положительный образ автора

и показать его ценность для «патриотической» идеологии.

Историко-культурный подход в интерпретации произведений можно рассмотреть в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. Диахронический аспект предполагает, что критики в процессе интерпретации обращаются к классике как к литературному канону, который сформировал определённую традицию. Традиция для патриотов – всегда образец для подражания¹, и в этом смысле можно говорить о методе «патриотической» критики, который Ф. Бласс назвал «сравнение с идеалом»: «Для суждения необходимо сравнение, т. е. соотнесение того предмета, о котором мы должны составить суждение, с предметом, не подлежащим сомнению в рассматриваемом отношении» [1, с. 26]. В «патриотическом» дискурсе не подлежит сомнению значимость прозы А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, М. Шолохова. Это те писатели, чьё творчество так или иначе отражает основные ценностные ориентиры «патриотов»: любовь к своему народу, своей национальной истории, культуре и языку, опора на православие, направленность на духовно-нравственное воспитание читателя.

В статье М. Еськова литературным ориентиром выступает проза Л. Н. Толстого: «Однажды Носов сказал о Льве Толстом, что тот голой пяткой чувствовал всю Россию. В полной мере всё сказанное относится и к самому Евгению Ивановичу. Его творчество – сокровенные горести и беды народа, самый оголённый нерв народа» [20, с. 180]. Проза Л. Толстого и Е. Носова сближается по критерию обращённости к проблемам народа, несомненно значимого для аксиологии «патриотов». Сопоставление с Л. Толстым позволяет возвысить Е. Носова до литературного канона.

Указывает на общность классиков и представителей «деревенской прозы» и К. Кокшенева в статье «Границы судьбы»: «Да, Валентин Распутин вернул своего героя в деревню. Почему? Да совсем не потому, что “смотрит только назад”. Просто он присоединил свой голос к тем русским классикам, для которых всегда желательным был культурно-национальный тип жизни, а не экономически-социальный» [22, с. 192]. Культурно-националь-

¹ Традиция в их литературно-критическом дискурсе всегда авторитетна, она противостоит разрушительной силе современной авангардистской литературы: «Традиции русской литературы стоят мощным заслоном против всего наносного, духовно чуждого, разрушительного» [31, с. 234].

ный тип жизни, предполагающий почитание исконно народных традиций и черт, которые составляют национальную идентичность, вступает в данном случае в оппозицию с экономически-социальным, потребительским и маркируется как присущий героям классической русской литературы. Этим критик объясняет также консерватизм прозы В. Распутина: он предстаёт продолжателем классической линии русской литературы.

Характеризуя П. Краснова – писателя, менее известного в литературных кругах, – критик В. Курбатов называет ряд имён, приглашая читателя обратить внимание на литературный талант автора. Он ставит прозу писателя в один ряд с признанными классиками литературы: «Мысль “с громоздкой толстовской и прустовской подробностью”, в жизни, которую изображает П. Краснов в своей прозе, есть что-то первоначальное, древнее, мудрое, родное (будто разом Радищев и Тургенев, Некрасов и Шолохов)» [30, с. 202].

Литературный канон в патриотическом дискурсе представлен и такими писателями, как С. Аксаков, Б. Шергин, М. Пришвин, И. Соколов-Микитов. В статье «Сама Россия» критик А. Убогий обозначает названных авторов как «малую классику». Её ценность – в исследовании важнейших вопросов человеческого бытия и изображении человека естественного в его взаимодействии с природой и миром. Важной чертой произведений названных авторов, по мнению критика, является то, что они представляют русский национальный тип: «Исчезни из русской культуры её “малая” литературная классика, стихи вдруг её голос – не будет России» [37, с. 268]. Также несомненным литературным авторитетом для патриотов обладает проза И. Шмелёва и Б. Зайцева, с чьими именами, с точки зрения Д. Володихина, связано формирование нового направления в литературе – христианского реализма, основополагающим принципом которого является «активное, явное проявление веры автора в тексте» [18, с. 181]. По мнению критика, именно он открывает путь из тупика, куда зашёл традиционный реализм.

Д. Володихин отмечает, что в своих произведениях И. Шмелёв создаёт образ огромной общины русских православных людей: «Этот образ связан, конечно, с ностальгическим переживанием о России ушедшей, затопленной в бурях гражданской войны и безжалостной расстрельщины. Но внутренней правды в нём столько, что в 90-х, когда “Лето Господне” по-настоящему пришло к русскому читателю, шмелёвскую Россию полюбили преданно

и восторженно — как утерянный рай» [Там же, с. 182]. Продолжателями линии «Лета Господня» И. Шмелёва являются писатели-«деревенщики» и «иные представители старшего поколения в русском почвенническом лагере отечественной литературы» [Там же]. Согласно Д. Володихину, мир русской деревни, «пронизанной христианством», встречается в рассказах и повестях Василия Белова («Повесть об одной деревне») и Владимира Крупнина («Рассказы последнего времени», «Крестный ход», «Слава Богу за всё»).

Однако стратегией критика-«патриота» может быть не только сопоставление с литературным образцом, но противопоставление, которое работает на отчуждение писателя или художественного явления. Так, поздний В. Астафьев выводится критиком А. Байбородиным из актуального литературного поля «патриотов» за свои «русофобские высказывания», за изображение «жестокой правды жизни», за уничижительное изображение русского народа. В мировоззрении критика русский народ – богоносец, являющий собой «мировую совесть и бескорыстную, безмерную любовь к Богу» [14, с. 231].

А. Байбородин прибегает к авторитету Ф. Достоевского, подобно В. Астафьеву, пережившему тяжкие испытания, каторгу, где, про словам критика, писатель «насмотрелся» на «подлых каторжан, воров и душегубцев», но не озлобился на свой народ: «Но, описывая правду каторги в “Записках из мёртвого дома”, Фёдор Михайлович, говоря по нынешне, не утонул в беспросветной “чернухе”, как Астафьев в романе “Прокляты и убиты”, а, будучи боголюбивым и человеколюбивым, нашёл в душе силы для любви и сострадания к ближнему, даже и нравственно больному, увязшему в грехе, и там, среди падших, высмотрел и воспел людей, в душах которых, словно в разбойнике Кудеяре, пробудилось раскаянье и дремавшая любовь к ближнему и Вышнему» [Там же, с. 235]. Достоевский сумел создать идеал праведника, без которого не стоит мир, «пренебрегая правдой жизни ради утверждения христианских заповедей в миру» [Там же, с. 236]. Астафьев же предпочёл «голую правду» в изображении своего народа, за что и был символически дискредитирован критиком-«патриотом».

Синхронический аспект культурно-исторического подхода к творчеству «деревенщиков» предполагает выделение ряда писателей, произведения которых и составляют собственно «деревенскую прозу», как особой сплочённой группы, представляющей собой

мощное направление единомышленников. Поэтому нередко критики указывают на близость, духовное родство, даже братство писателей-«деревенщиков». Так, в шестом номере журнала «Москва» за 2003-й год публикуются письма Е. Носова, адресованные его собратям по перу: В. Распутину и В. Белову. В. Бараков указывает на близость поэта-почвенника Н. Рубцова и писателя В. Астафьева, посвятившего поэту работу «Затеси. Из воспоминаний о Николае Рубцове» [15, с. 212].

Зачастую критики используют приём сопоставления с более известным представителем «деревенской прозы», чтобы «присвоить» рассматриваемого писателя и показать его ценность. Так, В. Курбатов характеризует раннюю повесть П. Краснова «Высокие жаворонки» как «вставшую в деревенской литературе вровень с лучшими образцами, так что его тотчас обняли Астафьев и Распутин» [30, с. 202]. К. Кокшенева в статье «Другие сеятели» упоминает, что Борис Агеев написал два очерка о своём земляке Евгении Носове, и указывает на внутреннюю связь писателей: «Постоянный диалог со старшим товарищем стал возможен, видимо, только потому, что и сам вглядывающийся (Борис Агеев) любит в творчестве то, что ценил классик: “как бы дать жизни рассказать самой о себе”» [23, с. 186].

Сравнивая два поколения «деревенщиков», К. Кокшенева указывает, что «новые деревенщики, оглядываясь на маяки, расставленные в нашей литературе В. Распутиным, В. Беловым, Е. Носовым, В. Астафьевым, Ф. Абрамовым, А. Яшиным, приумножили своё знание и новой скорбью» [Там же, с. 179]. Скорбь эта заключается в том, что молодое поколение застало оскудение и разорение деревни, и теперь им необходимо выступить с «защитой деревенского человека». Кроме того, новые традиционалисты показывают другое отношение к городу: «Они, вглядываясь в городские лица, словно бы ищут и находят в них то ценное, что не утратило случайно или усилием воли связи с деревенской первородиной» [Там же, с. 180]. Критик отмечает новые тенденции в развитии направления, привнесённые такими писателями, как Б. Агеев, П. Краснов, С. Щербаков.

Таким образом, историко-культурный подход связан с возведением текстов писателей-деревенщиков до сложившегося литературного канона (или, наоборот, противопоставлением ему). Он используется, когда критику необходимо показать высокий уровень литературного таланта писателя, как прави-

ло, менее известного, путём сопоставления его с авторитетными именами. Через него критик помогает читателю сориентироваться в литературном поле «своих» и «чужих».

В рамках социологического подхода выполняется анализ произведения с точки зрения его истинности, «художественной правдивости». Связь с реальностью является основополагающим критерием оценки произведения в «патриотическом» дискурсе. Реалистический метод здесь осмысливается как единственно верный: критик-«патриот» «отчуждает» литературу, в которой нарушена связь с реальностью. Так, негативной оценке подвергается роман «Библиотекарь» М. Елизарьева, в котором фантастическое берёт верх над реалистическим [19]; серия произведений в жанре фэнтези С. Лукьяненко [35]; постмодернистские произведения В. Пелевина [33]; массовая литература из-за порождённого ею феномена «отвлечения от жизни», создания «иллюзии жизни, где желания всегда сбываются» [34, с. 179]. Критик не может интерпретировать произведения перечисленных авторов и направлений, потому в них отсутствуют точки соприкосновения с реальностью, которые позволили бы, опираясь на собственные ценностные ориентиры, создать диалог с произведением и автором.

Максимально правдивое отражение действительности, которое осуществляется писателями-реалистами, позволяет поставить во главу произведения какой-либо проблемный вопрос нравственного, общечеловеческого характера, что придаёт произведению оттенок публицистичности. Критику-«патриоту» важно, чтобы писатель «оголял» проблемы страны, проблемы своего народа, проявлял участие к его судьбе. Так, нередко отмечается публицистический характер поздней прозы В. Распутина. С. Шуртаков представляет как эталон публицистики книгу В. Распутина «Боль души», утверждая, что «внимание в ней сосредоточено на самых острых, самых важных для Отечества проблемах» [39, с. 259]. К. Кокшенева называет художественным достоинством повести В. Распутина «Мать Ивана, дочь Ивана» «прямой и обжигающий контакт с реальностью» [22, с. 186]. Писатель не только берёт в качестве основы сюжета реальную историю, раскрывая тему «насилия и отщепенства», но и изображает «горькие картины» современной ему действительности («рынок с чужими товарами как центр мироздания, отчаянно-растленные молодёжные тусовки, наблюдения за городской жизнью Ивана-сына») [Там же, с. 195]. Заметим,

что вне интересов «патриотической» критики остаются новаторские обретения позднего В. Распутина, его поиск нового героя (образы бабы-богатырки, трикстера), способного вывести Россию к обретению «внутреннего лада» [6].

Однако, несмотря на установку правды в описании социальных проблем страны, «патриотическая» критика не приемлет изображение «чернухи», «мерзости», беспросветности жизни, не предполагающее никакой альтернативы¹. Литература, по мнению критиков-«патриотов», должна не «описывать, что было, а показывать, что должно быть. <...> нужно описывать правду Царствия Божия, которого нет, но которое близится к нам» [27, с. 209]. По этому принципу критик К. Кокшенева дискредитирует прозу Р. Сенчина: «Именно в Сенчине мы видим, как проросли плеве-лы, ядовитые сорняки литературы прежнего поколения чернушников. Такие «правдолюбцы» дали в своих сочинениях отрицательный облик времени» [21, с. 274]. Критик обвиняет молодого писателя в отсутствии идеологии, а его героев – в отсутствии мужества и чувства любви к родине. Для К. Кокшеневой, как и для С. Куняева, изображение действительности в произведении должно связываться с понятием Царства Божия: «Только реальность, которую писатель понимает как предстоящую перед вечностью, перед взором Божиим, – только такая реальность в русской литературе является нормой, воспринимается как правильная и правдивая, даёт простор и силу» [Там же, с. 276].

Противостоящей «мрачному» изображению жизни предстаёт проза писателей-«деревенщиков». К. Кокшенева указывает, что, несмотря на описание устрашающих картин русской реальности рубежа веков, в повести В. Распутина «Мать Ивана, дочь Ивана» «нет отвращения к действительности» [22, с. 195]. В статье «Другие сеятели» К. Кокшенева показывает, как по-другому представлена извечная проблема пьянства в произведении П. Краснова: «О России пьяной, о “пьяных

толпах России» талдычат давно: то со злорадством, а то и очень расчётливо, выправляя демографическую кривую убыли населения в зависимости от роста алкогольной зависимости. И Краснов туда же – об алкогольной зависимости своего Ерёмы скажет, только посмотрит на неё другими глазами: не социолога, а душеведа. Такие, как красновский Ерёма, – пропойцы почти идейные. Они не хотят иметь человеческого облика в мире, который и сам, на их взгляд, его не имеет» [23, с. 181]. Пьянство героя оправдывается писателем и критиком, объясняется не с точки зрения национальной проблемы, а с позиции мироощущения героя и его чувств. Подобным образом рассматривается и пьянство героев С. Щербакоева, для которого «подчинение человека зеленому змию – проблема духовная» [Там же, с. 182]. Можно сделать вывод, что для критика-«патриота» первостепенное значение имеет, как писатель представляет вынесенную в произведение проблему и предлагает ли он пути её решения.

Проза «деревенщиков», отмеченная качествами приближенности к реальной жизни и публицистичности, осмысливается также как оплот нравственности и русской духовной традиции в условиях кризиса. Мироощущение критика-«патриота» складывается из установки, что самобытный исторический путь России был прерван «катастрофой» с последующей либерализацией под влиянием Запада, разрушением культуры, нравственной деградацией и потерей национальной идентичности². Реальность 1990-х и 2000-х годов катастрофизуется критиками; журналы национал-патриотического направления порождают дискурс об идеологических врагах в лице либералов, ориентирующихся на ценности Запада. Путь спасения видится через утопическую идею о возвращении к своим истокам и обращении к подлинным православным ценностям и традициям. Произведения, в которых создаётся «мифологизированный образ исконной Руси» [12], охарактеризованы критиками по-особенному, способными возродить Россию. Так, М. Еськов наделяет исцеляющей силой прозу

¹ В статье «Беззаконная комета» С. Куняев дискредитирует эстетические принципы современного искусства, описывающего «мрак жизни». По мнению критика, авторы «современных книг стремятся как можно сильнее напугать читателя и одновременно волей-неволей приучить его к уродству жизни, якобы вечному и неизбежному. Подобная литературная продукция называется то «пост-модернизмом», то «новым реализмом», тогда как это не более чем искажение жизни словом и соответственное искажение самого слова» [27, с. 215]. Критик считает, что современная литература «приучает к уродству жизни», оставляет ощущение тяжести, безысходности. Подобный подход к интерпретации действительности С. Куняев называет «искажением жизни».

² В «патриотическом» дискурсе национальная литература, проникнутая идеями нравственности, духовности и чувством любви к своему народу, имеет первостепенное значение для сохранения национальной идентичности. В. Бондаренко в статье «Властители дискурса», констатируя культурный кризис в современной России, развивает идею о неразрывной связи нации и её культуры: «Вместе с великой русской культурой неизбежно уйдёт в никуда великий русский народ. Люмпен – народ, лишённый духовности и культуры, с неизбежностью роботизируется, становится бледной копией ведущих народов мира. Россия, лишённая осознанно своей национальной русской культуры, не имеет будущего» [17, с. 242].

Е. Носова, говоря, что ею «можно лечиться» [20]. К. Кокшенева в статье «Лад привычного дела», посвящённой известной книге В. Белова, пишет: «И я знаю точно: если бы вдруг на земле осталась только сотня человек, а все плоды прогресса (машины да компьютеры) исчезли, то с беловской книгой «Лад» (в отличие от многих других) человек снова бы выжил! Ведь в ней он узнаёт и о том, как дом возвести, и как лён трепать, как баньку построить и как вязать рыболовные снасти, узнаёт, чем белить печь и чем – холсты, расскажет ему книга и о природных приметах, что нужны для всякой трудовой стадии жизни» [24, с. 186]. В представлении критика, прогресс разрушителен, и только исконный крестьянский быт, образ жизни, мудрость, описанные В. Беловым, помогут выжить и сохранить себя.

Аксиологический подход к интерпретации произведения предполагает, что критик, вычитывая текст в соответствии со своими установками, показывает читателю, как они реализуются в произведении. Так или иначе он всегда обращается к собственным установкам, проверяя писателя и произведение на соответствие им. Так порождается разделение на «своих» и «чужих» в литературном поле.

Одной из главных ценностей для «патриотов» является готовность писателя и его героев бороться за общественную справедливость, отстаивать интересы народа. В. Бондаренко представляет Б. Можая как «острейшего социального писателя», осветившего в своих произведениях отношения крестьянина и власти. Критик называет его доминирующее качество – жизнелюбие и энергичность: «Более живого и подвижного писателя, чем Борис Андреевич Можайев, я, наверное, и не встречал. Даже на фотографиях в моём архиве он то обнимается с Личутиным, то машет рукой Феликсу Кузнецову, то борется с Викуловым. Он и болеть упорно не желал. Умирать тем более» [16, с. 278]. В. Бондаренко вспоминает, как писатель проявлял интерес к проблемам колхоза, задавая секретарю обкома вопросы про зарплату крестьян, «про озимые, про норму, и про «горючку» [Там же, с. 279]. Желание постоять за трудовой народ в борьбе с властью также подчёркивается фразами «до всего ему было дело», «таких наши начальники никогда не любили».

Качества, присущие самому писателю, отразились в герое его повести «Живой». По мнению критика, Б. Можайев создал «вечно живого Кузькина, который, будучи «рядовым

колхозником» «одолел в тяжбе председателя райисполкома» [Там же]. Он представил тип национального характера, чуждого власти, вступающего с ней в противоборство за справедливость. Критик отмечает целеустремлённость и цельность героев Б. Можая, как будто передавшихся им от самого писателя. В. Бондаренко важно показать, что очерки Б. Можая приводили к конкретным результатам: «Иной раз снимали и крупных начальников» [Там же]. Так, писатель и его герои предстают подлинными защитниками народа, пострадавшего от произвола власти.

«Свой» герой литературного произведения воплощает лучшие качества: любовь к ближнему, трудолюбие, обращённость к Богу, близость природе. В статье «Другие сеятели» К. Кокшенева акцентирует внимание на том, как герой повести П. Краснова «Новомир», деревенский «мужик-пропойца», спасает во время пожара двух людей, жертвуя своей жизнью. Этот поступок осмысливается как сюжетный центр произведения, раскрывающий истинно национальный характер. Также критик подчёркивает трудолюбие главного героя повести Б. Агеева: «Борис Агеев в романе «Душа населения» поставил в центр своего произведения человека трудящегося, кочегара, прошедшего через испытание лагерем и работой «на северах»» [23, с. 181]. В статье «Всё та же любовь» К. Кокшенева называет повесть Е. Родченковой «Святой колодец», рассказывающую о слепой от рождения героине, которая оказывается «в деревне самой зрячей – видящей духовно» [21, с. 279]. Критик показывает, как близость природе, деревенскому миру, духовная чистота и религиозность выделяют её среди остальных жителей деревни. С. Куняев указывает на религиозность героя повести В. Крупнина «Крестный ход»: «Герой верит в спасительную силу молитвы, которая предстаёт для него не отделимой от быта русского человека, русской природы» [28, с. 270]. Все названные качества являются ценностными ориентирами для критиков-«патриотов» и транслируются читателям как подлинные, приводящие к спасению¹.

Заключение. Таким образом, для литературно-критического дискурса «патриотов» «деревенская проза» представляет собой символический капитал (П. Бурдьё). Критику важно не просто дать интерпретацию художественному произведению писате-

¹ Стоит подчеркнуть, что бытие героя патриархального сознания, выстроенное в статьях критиков – «патриотов», уже не раз становилось предметом самостоятельной критической рефлексии [7].

ля-«деревенщика», но и сформировать его идеальный образ. Для этого используются различные подходы, главная роль среди которых отводится подходу биографическому, где большое внимание уделяется личности писателя, его качествам, таким как твердость характера, непоколебимость взглядов, сила духа, озабоченность проблемами народа и судьбой страны. Критики обнаруживают тесную связь между обстоятельствами, повлиявшими на характер и мировоззрение писателя (рождение и проживание в провинции, на периферии; жизненные испытания, путь становления), и художественным миром его произведений.

Биографический подход, используемый в литературных портретах, позволяет сократить дистанцию между автором и читателем и таким образом убедить читателя в истинности транслируемых писателем ценностей. Близким ему выступает аксиологический подход, когда критик акцентирует внимание на значимых качествах литературных героев (трудолюбие, духовность, вера в Бога, любовь к ближнему, к природе, к своему народу). Эти качества маркируются как сверхценные, а их носители – как идеальные герои, образцы для подражания. Социологический

подход рассматривает текст с точки зрения его достоверности, «правдивости». Этот подход включает в себе один из основополагающих принципов «патриотической» критики: художественное произведение должно отображать окружающую действительность, освещать актуальные проблемы государства и нации. При этом писатель должен указывать на путь спасения, рассматривая бедствия своего народа с православной мировоззренческой позиции.

Историко-культурный подход позволяет расположить автора и его произведения в рамках оппозиции «свое – чужое», «вписать» его в литературный канон или противопоставить ему, показать преемственность между классикой и «деревенской прозой». Названные подходы работают на укрепление позиций «деревенщиков» в литературном поле и отстаивании их взглядов в поле идеологическом. В заключение стоит отметить, что идеи, которые провозглашают критики-«патриоты» через интерпретацию произведений традиционалистов, носят зачастую архаический характер, а мысль о спасении нации через возвращение к образу прошлого («исконной Руси») представляет собой утопический конструкт.

Список литературы

1. Бласс Ф. В. Герменевтика и критика. Искусство понимания произведений классической древности и их литературная оценка. М.: Ленанд, 2016. 202 с.
2. Боров Ю. Б., Стафеева М. П. Культурологические и социологические проблемы критики // Актуальные проблемы методологии литературной критики / под ред. Г. А. Белой. М.: Наука, 1980. С. 62–136.
3. Вальянов Н. А. Хронотоп дома в поэтике М. А. Тарковского // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 1. С. 174–179.
4. Вальянов Н. А. Художественный мир М. А. Тарковского: пространство, время, герой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.11. Воронеж, 2018. 234 с.
5. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
6. Ковтун Н. В. Трикстер в окрестностях поздней деревенской прозы // Respectus Philologicus. 2011. № 19. С. 65–81.
7. Ковтун Н. В. «Идиллический человек» на перекрестках истории // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 280–311.
8. Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014. Вып. 5. С. 69–95. (Серия «Универсалии культуры»).
9. Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
10. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2016. Вып. 7. 456 с. (Серия «Универсалии культуры»).
11. Степанова В. А. Дуализм как формула мировоззрения В. Распутина: художественная система выражения: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2016. 249 с.
12. Kovtun N. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2008. No. 1. Pp. 539–556.
13. Kovtun N., Klimovich N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to “new realism” // The Art of Words / Umjetnost rijec. 2018. No. 3/4. Pp. 315–337.

Источники

14. Байбородин А. Поле брани Виктора Астафьева // Наш современник. 2017. № 9. С. 211–247.
15. Бараков В. Виктор Астафьев и Николай Рубцов // Москва. 2004. № 5. С. 211–214.

16. Бондаренко В. Живой // Наш современник. 2003. № 6. С. 278–283.
17. Бондаренко В. Властители дискурса // Наш современник. 2009. № 11. С. 242–251.
18. Володихин Д. Христианский реализм в русской литературе // Москва. 2008. № 2. С. 181–192.
19. Володихин Д. Боец в линолеумном панцире // Москва. 2009. № 2. С. 190–193.
20. Еськов М. Его прозой можно лечиться // Москва. 2003. № 6. С. 180–190.
21. Кокшенева К. «Всё та же любовь...» // Наш современник. 2002. № 7. С. 270–280.
22. Кокшенева К. Границы судьбы // Москва. 2004. № 2. С. 186–196.
23. Кокшенева К. Другие сеятели // Москва. 2006. № 3. С. 178–192.
24. Кокшенева К. Лад привычного дела // Москва. 2007. № 10. С. 184–188.
25. Конорев Л. С вершины древнего кургана // Наш современник. 2003. № 6. С. 272–277.
26. Конорев Л. «Зову к святому и каторжному труду...» // Наш современник. 2004. № 1. С. 278–285.
27. Куняев С. Беззаконная комета // Москва. 2002. № 4. С. 207–215.
28. Куняев С. Умрёт Толстой. Что тогда? // Наш современник. 2004. № 1. С. 262–277.
29. Куняев С. И свет, и тьма // Наш современник. 2004. № 5. С. 209–217.
30. Курбатов В. Свет во тьме светит... // Москва. 2004. № 9. С. 201–210.
31. Лобанов М. Тысячелетнее слово // Наш современник. 2000. № 9. С. 234–249.
32. Павлов О. Новые лица русской прозы // Москва. 2002. № 6. С. 169–174.
33. Павлов С. Алхимический брак с Востоком // Москва. 2003. № 4. С. 176–186.
34. Перьева И. Отвлечение от жизни // Москва. 2003. № 1. С. 171–183.
35. Семенко В. Ночной позор // Москва. 2005. № 5. С. 165–172.
36. Спасская Е. Гори, гори ясно! // Москва. 2003. № 6. С. 190–194.
37. Убогий А. Сама Россия // Наш современник. 2008. № 1. С. 258–268.
38. Харламов С. Вспоминая Владимира Солоухина // Наш современник. 2004. № 7. С. 228–234.
39. Шуртаков С. Прямое слово // Наш современник. 2008. № 3. С. 258–262.

Статья поступила в редакцию 10.07.2019; принята к публикации 20.08.2019

Информация об авторе

Андреева Елена Александровна, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: Andreeva.elena.krsk@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2545-9075.

Библиографическое описание статьи

Андреева Е. А. Современная традиционалистская проза в контексте литературно-критического дискурса «патриотических» «толстых» журналов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 98–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-98-109.

References

1. Blass, F. V. Hermeneutics and criticism. The art of understanding the works of classical antiquity and their literary assessment. M: LENAND, 2016. (In Rus.)
2. Borev, Yu. B., Stafetskaya, M. P. Cultural and sociological problems of criticism. In Belaya, G. A., editor Actual problems of the methodology of literary criticism. M: Science, 1980: 62–136. (In Rus.)
3. Valyanov, N. A. Chronotope of the house in the poetics by M. A. Tarkovsky. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V. P. Astafieva, no. 1, pp. 174–179, 2017. (In Rus.)
4. Valyanov, N. A. Art world of M. A. Tarkovsky: space, time, hero. Cand. filol. sci. diss. Voronezh, 2018. (In Rus.)
5. The history of Russian literary criticism: the Soviet and post-Soviet era. M: New literary review, 2011. (In Rus.)
6. Kovtun, N. V. Trickster in the vicinity of late village prose. Respectus Philologicus, no. 19, pp. 65–81, 2011. (In Rus.)
7. Kovtun, N. V. “Idyllic man” at the crossroads of history in Kovtun, N. V., editor, Russian project of the correction of the world and artistic work of the XIX–XX centuries. M: Flint-Nauka, 2011: 280–311. (In Rus.)
8. The crisis of literary-centricity: loss of identity vs new opportunities. “Universal of culture”. Vol. V. M: Flint-Nauka, 2014. (In Rus.)
9. Razuvalova, A. Writers “villagers”: literature and conservative ideology of the 1970s. M: New literary review, 2015. (In Rus.)
10. Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection. “Universals of culture”. Vol. VII. M: Flint-Nauka, 2016. (In Rus.)
11. Stepanova, V. A. Dualism as a formula of V. Rasputin’s worldview: the artistic system of expression. Cand. filol. sci. diss. Sankt-Peterburg, 2016. (In Rus.)
12. Kovtun, N. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction). Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences, no 1, pp. 539–556, 2008. (In Eng.)

13. Kovtun, N., Klimovich, N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to "new realism". *The Art of Words / Umjetnost rijec*, no 3/4, pp. 315–337, 2018. (In Eng.)

Sources

14. Bayborodin, A. Victor Astafiev's battlefield. *Our Contemporary*, no. 9, pp. 211–247, 2017. (In Rus.)
15. Barakov, V. Victor Astafiev and Nikolai Rubtsov. *Moscow*, no. 5, pp. 211–214, 2004. (In Rus.)
16. Bondarenko, V. Living. *Our Contemporary*, no. 6, pp. 278–283, 2003. (In Rus.)
17. Bondarenko, V. The rulers of the discourse. *Our contemporary*, no. 11, pp. 242–251, 2009. (In Rus.)
18. Volodikhin, D. Christian realism in Russian literature. *Moscow*, no. 2, pp. 181–192, 2008. (In Rus.)
19. Volodikhin, D. Fighter in linoleum shell. *Moscow*, no. 2, pp. 190–193, 2009. (In Rus.)
20. Eskov, M. His prose can be treated. *Moscow*, no. 6, pp. 180–190, 2003. (In Rus.)
21. Koksheneva, K. "All the same love ...". *Our contemporary*, no. 7, pp. 212–224, 2002. (In Rus.)
22. Koksheneva, K. The boundaries of fate. *Moscow*, no. 2, pp. 187–196, 2004. (In Rus.)
23. Koksheneva, K. Other seeders. *Moscow*, no. 3, pp. 178–192, 2006. (In Rus.)
24. Koksheneva, K. Lad familiar affairs. *Moscow*, no. 10, pp. 184–188, 2007. (In Rus.)
25. Konorev, L. From the top of the ancient mound. *Our Contemporary*, no. 6, pp. 272–277, 2003. (In Rus.)
26. Konorev, L. "Call to holy and hard labor ..". *Our contemporary*, no. 1, pp. 278–285, 2004. (In Rus.)
27. Kunyaev, S. Lawless comet. *Moscow*, no. 4, pp. 207–215, 2002. (In Rus.)
28. Kunyaev, S. Tolstoy will die. What then? *Our contemporary*, no. 1, pp. 262–277, 2004. (In Rus.)
29. Kunyaev, S. Both light and darkness. *Our Contemporary*, no. 5, pp. 209–217, 2004. (In Rus.)
30. Kurbatov, V. The light shines in the darkness. *Moscow*, no. 9, pp. 201–210, 2004. (In Rus.)
31. Lobanov, M. Millennial word. *Our Contemporary*, no. 9, pp. 234–249, 2000. (In Rus.)
32. Pavlov, O. New faces of Russian prose. *Moscow*, no. 6, pp. 169–174, 2002. (In Rus.)
33. Pavlov, S. Alchemical marriage with the East. *Moscow*, no. 4, pp. 176–186, 2003. (In Rus.)
34. Peryeva, I. Distraction from life. *Moscow*, no. 1, pp. 171–183, 2003. (In Rus.)
35. Semenko, V. Night shame. *Moscow*, no 5, pp. 165–172, 2005. (In Rus.)
36. Spasskaya, E. Gori, burn clearly! *Moscow*, no. 6, pp. 190–194, 2003. (In Rus.)
37. Ubogiy, A. Russia itself. *Our Contemporary*, no. 1, pp. 258–268, 2008. (In Rus.)
38. Kharlamov, S. Remembering Vladimir Soloukhin. *Our Contemporary*, no. 7, pp. 228–234, 2004. (In Rus.)
39. Shurtakov, S. Direct word. *Our contemporary*, no 3, pp. 258–262, 2008. (In Rus.)

Received: July 10, 2019; accepted for publication August 20, 2019

Information about author

Andreeva Elena A., Postgraduate Student, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University; 89 Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2545-9075.

Reference to the article

Andreeva E. A. Modern Traditionalist Prose in the Context of the Literary and Critical Discourse of "Patriotic" "Thick" Magazines // *Humanitarian Vector*. 2019. Vol. 14, No. 5. PP. 98–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-98-109.